

ИВАН ГОЛОЛОБОВ

Возможна ли региональная гегемония в современной России?¹

Гегемония (от греч. *hegemonia* – предводительство, господство), преобладание, руководство; господствующая, руководящая роль какого-либо класса, государства по отношению к другим.²

Термин «гегемония» вошёл в тезаурус марксистской социальной мысли как теоретическое обоснование руководящей роли пролетариата в построении «идеального» общества. Основоположники марксизма полагали, что руководящая роль рабочего класса является необходимым условием адекватного выражения интересов крестьянства, интеллигенции и прочих слоёв, «угнетаемых» в капиталистическом обществе.³ Именно в этом ключе гегемонию рассматривает Ленин, Лукач⁴ и многие марксистские теоретики начала «века социалистических революций».⁵

Однако сейчас понимание «гегемонии» в социальных науках так же далеко от его оригинальной версии, как английский рабочий начала 20-го века далёк от английского рабочего века 21-го. Подобная трансформация связана с переосмыслением понятия гегемонии, инициированного Антонио Грамши⁶ и завершённого в трудах Эрнесто Лаклау и Шанталь Муфф.⁷ В основе их теоретического экскурса лежит интенция пересмотра основных категорий марксистской мысли, вызванная полной дискредитацией идей классового детерминизма в социальной науке последних десятилетий прошлого века. В результате, Лаклау и Муфф предлагают новое понимание «ге-

¹ Автор выражает признательность Андрею Веретенникову за ценные комментарии, высказанные в процессе работы над текстом.

² Большая советская энциклопедия, электронное издание – М: Большая Российская энциклопедия – Гласнет, 2002, CD №1.

³ *Маркс К. и Энгельс. Ф.*, Манифест Коммунистической партии, Соч., 2 изд., т. 4.

⁴ *Ленин В. И.*, Что делать? Полн. собр. соч., 5 изд., т. 6; Две тактики социал-демократии в демократической революции, там же, т. 11; его же, Отношение социал-демократии к крестьянскому движению, там же; *Lucacs, G.* History and class consciousness, London: Merlin, 1971.

⁵ Как например Троцкий, Бухарин, Радек.

⁶ *Gramsci, A.*, Prison notebook, London: Lawrence and Wishart, 1971.

⁷ *Laclau, E. and Mouffe, Ch.*, Hegemony and Socialist Strategy: Towards a radical Democratic Politics, London: Verso, 1985.

гегемонии», которое оказывается более чем рабочим инструментом в осмыслении социальной динамики «состояния постмодерна».

Основной теоретической инновацией Лаклау и Муффа является отказ рассматривать гегемонию как ситуацию *классового* верховенства. В условиях неактуальности классового деления общества, авторы полагают, что гегемонии следует рассматривать как «предводительство» одной идентичности над другой, при этом абсолютно *не важно*, что это за идентичности — классы; этнические, конфессиональные группы; партии и т. д.⁸

Далее, адекватное выражение интересов других идентичностей возможно только в ситуации социального антагонизма и социальной борьбы, где группа представляемых идентичностей оказывается ограниченной реально присутствующим «другим». Анализируя истоки изучения гегемонии Лаклау указывает на рассуждение Розы Люксембург, что гегемония пролетариата как таковая была возможна только благодаря присутствию царизма в качестве некоего «конституирующего другого» для множества идентичностей, сгруппированных в протестном секторе социального поля.⁹ Присутствие «другого», открывает возможность двойной идентификации для множества различных секторов данного поля.

Привлекая теоретические разработки Соссюра, Лаклау доказывает, что эта двойная идентификация становится результатом наложения «логики различия» и «логики сходства» в протестном поле. С одной стороны, каждый из элементов этого поля, допустим, тот же пролетариат, обнаруживает себя отличным от других элементов — крестьянства, интеллигенции и т. д., и на этом основании, собственно и является самим собой. С другой стороны все идентичности, противопоставленные «другому», обнаруживают свою равнозначность именно в противопоставленности оному.¹⁰ Например, все протестные силы в России начала 20-го века были *едины* в своей антагонистичности царизму.

Именно эта эквивалентность и обуславливает возможность какой-либо одной идентичности «возглавить» остальные сектора протестного поля в их общей борьбе.

Далее Лаклау полагает, что верховенство одного сектора в общей борьбе с «другим» возможно только в результате идеологической практики ре-артикуляции собственной идентичности силой, претендующей на гегемонию. Иными словами, эта сила должна «опустошить» свою идентичность и стать чистым «означающим отсутствием» — отсутствием «другого».¹¹ Именно это означение отсутствия и является неотъемлемым условием успешной гегемонии, поскольку только оно открывает возможность другим идентичностям наполнить своими интересами и требованиями возникшую «пустоту смысла» гегемона. Таким образом, гегемон, оставаясь на уровне означающего, од-

⁸ См. главу «Intellectual development» в обзоре пост-марксистских теорий дискурса: *Torfinn, J.*, *New theories of discourse.* Laclau, Mouffe and Zizek, Oxford: Blackwell, 1999, стр. 11–80.

⁹ *Laclau, E.*, *Constructing universality // Butler, J., Laclau, E. and Zizek, S., Hegemony. Contingency. Universality: Contemporary Dialogues on the Left,* London: Verso, 1999, стр. 302–303.

¹⁰ *Laclau E. and Mouffe, Ch.*, Указ. соч. стр. 127–134. См. также: *Howarth, D.*, *Discourse,* Buckingham: Open University Press, 2000, стр. 106–107.

¹¹ *Laclau, E.* *Why do empty signifiers matter to politics? // Laclau, E. Emancipation(s),* London: Verso, 1996.

ной из идентичностей протестного поля, на уровне означаемого представляет всё это поле целиком.

Каким же образом подобный концепт гегемонии может быть приложен к анализу современного российского регионализма? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сделать ещё одно методологическое замечание. По мысли Лаклау, гегемония является единственно возможной формой социальной объективности. Иными словами, идентичности как таковые объективируют свою социальную реальность только в процессе определённым образом сконструированной социальной борьбы. Данное предположение основывается на заключении о том, что социальная идентичность это не состояние, а проект. Никакая социальная идентичность не существует сама по себе. Она существует только как позиция, предложенная в рамках конкретного противостояния «другому». Если это противостояние видится как основанное на «классовых противоречиях» — идентичности определяются на основе их отношения к средствам производства; если это противостояние вызвано конфликтом «национальных интересов» — основными акторами исторического процесса становятся «нации» и т. д.¹²

Таким образом, концепт «гегемонии» оказывается ключом к пониманию процесса формирования *любых* идентичностей современности, включая те, которые принято называть «региональными». В свете предложенных аргументов возникает следующий закономерный вопрос: можем ли мы говорить о некоем процессе «региональной гегемонии», результирующемся в создании «общества регионов», наступление которого объявлено многочисленными исследователями современной России?¹³

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо пристально взглянуть на процессы производства региональных идей, так как именно представление о том, чем является регион, определяет потенциал его социального представительства.

* * *

Обзор современных российских политических дебатов показывает, что в целом осмысление региона осуществляется двумя путями.

Первый — это осмысление региона как административно-территориальной единицы государства. Здесь мы можем говорить о концептуализации некой абстрактной единицы Региона противопоставленной такому же абстрактному Федеральному Центру. Данный подход отмечается в дискуссиях разного рода партий и объединений, ратующих за представление «региональных интересов» в целом. Так же рассматривают регион и некоторые губернаторы, например Россель, защищающий идею большей автономии для регионов как таковых.¹⁴

¹² См. об этом статью Лаклау «Невозможность общества» в переводе Артёма Смирнова, опубликованную в журнале «Логос» №4-5, 2003.

¹³ См. например: Магомедов, А. Общество регионов // Pro et Contra, Том 2, Весна 1997.

¹⁴ Губернатор Свердловской области Эдуард Россель: Мы всегда остаёмся «неудобными» // Век, №30, 1999 г.; Э.Э. Россель: СНГ ещё никому не помогло // Труд, 23 марта 1999 г. и др.

Можно ли считать, что авторам подобных программ удалось гегемонизировать поле региональных интересов? Если я попрошу назвать хоть одного политика, придерживающегося такой стратегии, известного аудитории (помимо вышеупомянутого Росселя), наверняка я встречу некоторое замешательство. Действительно, можно сказать, что проекты представления идеи «регионов» в целом далеки от олимпа политической арены так же, как в своё время декабристы были «далеки от народа». Причина коллапса «регионов России» заключается в том, что их идеологи, пытаясь выразить «региональные интересы», сами при этом не идентифицировали себя с каким-либо конкретным регионом. Даже Россель в своих рассуждениях прежде всего «губернатор», и только потом «Свердловской области».¹⁵ В ситуации, когда сила, претендующая на гегемонию регионального поля, противопоставленного «центру», сама не является одним из секторов этого поля, никакое адекватное представление его интересов невозможно. Не будучи «одним из», этот сектор является «чужим» и идентифицируется гораздо ближе к «другому», нежели к полю представления «своих» интересов конкретными регионами. Поэтому говорить о самой возможности гегемонии «регионов» как абстрактного уровня территориально-административного устройства государства, наверное, нельзя.

* * *

Исследователи современного российского регионализма, могут возразить, что осмысление региона как Региона не является доминирующей тенденцией в процессе регионального идее-творчества. Действительно, надо отметить, что второй, гораздо более популярный, путь концептуализации региона — это осмысление региона *не* как административно-территориальной единицы государства, а как некой *социальной субстанции*. В этом смысле регион видится как конкретный, уникальный, единственный в своём роде феномен — «Москва», «Саратов», «Кубань» и т. д. Лидерство в данных дебатах прочно удерживают губернаторы и власть субъектов федерации в целом. Здесь мы отмечаем процесс производства совершенно конкретных идей регионов, вроде «Оренбург — южная Пальмира», «Нижний Новгород — русский Детройт». Возможно ли построение региональной гегемонии в этом идеологическом спектре? Ответ на этот вопрос требует несколько более внимательного рассмотрения специфического характера данных региональных идей.

Следует отметить, что все эти идеи представляют регионы как уникальные, единственные в своём роде образования. Оренбург — это единственная «Южная Пальмира» в России, Нижний Новгород — это единственный «Русский Детройт» и т. д. Артикуляция собственной неповторимости ведёт многих региональных идеологов к постулированию идеи о том, что в ситуации «кризиса», охватившего российское общество в 90-х, их регионы являются единственным воплощением «правильной России».

¹⁵ См: «Я действующий губернатор», «для меня как для губернатора» (Век №30, 1999 г.) «как губернатор сделаю» (Заявление Губернатора Свердловской области, помещённое на официальном сайте Росселя <http://www.rossel.ru>) и т.д.

В продолжение этого наблюдения можно отметить, что многие исследователи указывают на то, что региональные политики очень часто пытаются представить свой регион как некий образ идеальной России.¹⁶ Представляя Россию в целом как большое хозяйство, Лужков конструирует идеальное хозяйство в границах Москвы; видя в России институциональную основу «русской нации» и «русского народа», Кондратенко восстанавливает национальный паритет в рамках Краснодарского края, и т. д. Эксклюзивный «успех» данных предприятий и позволяет губернаторам расценивать их регионы как, в своём роде, идеальную Россию.

Каков же потенциал к гегемонии, скрывающийся в подобной региональной идее? Могут ли уникальные в своём роде регионы претендовать на адекватное представление интересов других регионов? Ведь представление регионом идеи России на уровне референта образует некую область, включающую в себя множество отдельных «составляющих» российского общества?

Чтобы ответить на этот вопрос необходимо взглянуть на два условия успешного проекта гегемонии. Первый — это определение «другого», в противопоставление которому артикулируется идентичность региона, и второе — это «глубина» опустошения партикулярного характера региона, обеспечивающая возможность представления интересов остальных секторов протестного поля.

Анализ региональных идеологических проектов показывает, что, несмотря на материализацию «другого» в лице федерального центра, в разных его персоналиях, тем не менее, проявляется достаточно широкий спектр смыслов, данных этому материальному воплощению. Так восстанавливая «национальный расклад» Кондратенко, как известно, борется прежде всего с «сионизмом», который, будучи «не нацией, а политикой»¹⁷, и оказывается представленным в образе «правителей»¹⁸, «продажных» центральных телеканалов¹⁹ и т. д. Лужков, в свою очередь, восстанавливая «хозяйство» видит причиной его развала некомпетентность «горе-реформаторов», опять же собравшихся в федеральном центре — это Чубайс, Гайдар с его «гайдарономикой»²⁰, та же администрация Президента²¹. Для Росселя тем «другим», оккупировавшим федеральный центр является коммунистическое большинство Государственной Думы, мешающее установлению «нормальных» экономиче-

¹⁶ См: *Косач, Г.* Оренбург: региональная мифология как фактор взаимоотношения с соседями // *Малашенко, А.*, (ред.) Чего хотят регионы? М: Карнеги Центр, 1994; *Михайловская, Е.* Идеальная Россия в текстах политиков. Проектирование мифа // *Прибыловский, В., Верховский, А.* и *Михайловская, Е.*, Политическая ксенофобия. Радикальные группы. Представления лидеров. Роль церкви, М: Панорама, 1999.

¹⁷ *Кондратенко, Н.*, Час выбора // *Кубань*, № 5, 1991, стр. 4.

¹⁸ *Кондратенко, Н.*, Ходил казак в кремль, Краснодар: Советская Кубань, 2000, стр. 69-71.

¹⁹ Там же, стр. 26.

²⁰ *Лужков, Ю.*, Мы дети твои, Москва, М: Вагриус, 1996 цитата по <http://www.mos.ru/major-lujkov/7.htm>

²¹ *Лужков Ю.*, Мы будем бороться за каждый голос, за каждый регион // Независимая газета, 13 октября 1999 г.; Его же: Я — толстокожий // Московский комсомолец, 11 июня 1999 г.; Его же: «Они испытывают ко мне ненависть» // Трибуна, 29 февраля 2000 г.

ских отношений и ответственное за экономический и социальный кризис в целом.²²

Итак, мы видим, что, несмотря на общее противостояние «центру» региональные лидеры по-разному актуализируют смысловое содержание антагониста, и, следовательно, по-разному выстраивают стратегии своей борьбы. Тот, кто является «своим» для Кондратенко, например какой-нибудь коллега по цеху борьбы с «сионизмом», оказывается «чужим» для Росселя, кто является «чужим» для Кондратенко, как например, «московские телеканалы» или «христородавцы» от бизнеса — оказывается «своим» для Лужкова и Росселя и т. д.

Таким образом, первым серьёзным препятствием к выстраиванию региональной гегемонии здесь является различное понимание «другого», что ведёт к различным траекториям проведения социальной границы, и, следовательно — принципиально разному пониманию того поля, которое пытается возглавить конкретный регион.

Далее, возможность региональной гегемонии в идеологическом спектре «региона уникального» существенно ограничивается возможностью представить интересы партикулярных сил «своей» борьбы со «своим» врагом. Как уже говорилось выше, успешное верховенствование возможно только в ситуации, когда отдельный сектор оппозиционного «другому» поля оказывается в состоянии выразить всё поле протеста и посредством этого означить всю негативную идентичность антагонисту целиком. Успешным ли выразителем всего поля негативной идентичности является регион?

Представим себе борьбу, допустим, московского мэра за возрождение «правильного» хозяйствования в деталях. «Другой» — это «горе-реформаторы», развалившие экономику «ублюдочными законами» своей приватизации,²³ собравшиеся в федеральном правительстве. Социальная граница проводится между, соответственно, этими реформаторами и их противниками, каждый из которых в силу своих возможностей осуществляет противодействие тлетворному влиянию «гайдарономики» что, собственно, и видится как восстановление «хозяйства». У Лужкова эти средства ограничены его статусом мэра и всеми доступными этой должности формальными и неформальными ресурсами. Он реконструирует «правильное» хозяйство в Москве и Москва становится для него «идеальной Россией». Какие отношения выстраиваются далее с остальными регионами? Отношения качественного неравенства! Если Москва — единственный пример «идеальной России» (действительно, двух идеалов быть не может) то остальные регионы становятся, как бы это помягче сказать, — Россией «неправильной».

В ситуации качественного неравенства между элементами оппозиционного сектора, когда кто-то «лучше» противостоит тлетворному влиянию

²² «В 1993 году, когда коммунистическая партия развалилась, надо было принять закон о ее запрете на 50 лет. Тогда прозевали, а сейчас этого делать нельзя. Запрещение только придаст КПРФ авторитет. Пусть лучше они публично выступают, а мы всем их аргументам должны противопоставлять реальное улучшение жизни людей» (Век №306 1999 г.).

²³ Юрий Лужков: Почему бы мне не дружить с Путиным? // Комсомольская правда, 18 июня 2000.

«другого», а кто-то «хуже», выражение «лучшим» интересов «худшего», строго говоря, невозможно. Что возможно, так это замещение интересов «худшего», их доработка или их унификация под интересы «лучшего».

Лаклау теоретизирует подобную ситуацию при помощи концептуального аппарата анализа художественного текста и конкретно — механизмов риторики. В языке существуют несколько наиболее употребляемых риторических тропов.²⁴ Метафора, основанная на представлении одного значения другим на основании их сходства, что в контексте исследования гегемонии можно трактовать как логику «я — такой же, как и вы». Допустим, какой-нибудь патриот заявляет «я — русский» и «мы — русские». Это — пример метафорической идеологемы, поскольку этим заявлением он претендует на выражение интересов аудитории на основе того, что они *такие же* русские, как и он сам. Далее, существует метонимия — представление одного значения другим на основе их смежности. «Мы заявляем, что все инструкции и указания ГКЧП незаконны» — говорит Ельцин «с броневика» в августе 1991.²⁵ Это — пример метонимической логики представления, поскольку она претендует на выражение интересов всех, кто считает незаконными деятельность путчистов, неважно кем считает себя эта потенциальная аудитория — «русскими», «рабочими», «молодежью» и т. п. Они *смежны* с Ельциным в своём неприятии ГКЧП и это самое главное.

То, что предлагает Лужков, в терминах риторики не будет ни метафорой, ни метонимией. «Москва — единственная...», «Только в Москве ...» и прочие указания на эксклюзивный регионально-ограниченный «столичный опыт» в дебатах о судьбе России представляет собой синекдоху. Троп, заключающийся в замещении целого его частью.

А теперь представим себе ситуацию, когда несколько частей этого «целого» одновременно заявляют о своих амбициях на адекватное выражение последнего, что можно констатировать глядя на частоту производства идей региональной исключительности в современной России. В этом разноголосом хоре само понятие целого, России — того потенциального поля, готового быть представленным в конкретном идеологическом проекте, оказывается партикуляризованным конкретными регионализмами. Поскольку каждый регион отличается от других, и в идее собственной исключительности он самоопределяется именно как отличный от других, «целое» замещённое одним регионом будет отличаться от «целого» другой его частью. Данный «конфликт интерпретаций» оказывается гораздо более серьёзным препятствием к осуществлению успешного гегемонического проекта «России регионов». Поскольку каждый регион претендует на эксклюзивное представление «правильной России» посредством распространения своего «опыта» на «остальную страну», то интересы иных регионов, выходящих на политическую арену с идентичными претензиями, становятся антагонистическими интересам претендента на гегемонию. Антагонистическими именно в том смысле

²⁴ Laclau, E., The politics of Rhetoric // Cohen, T., Cohen, B., and others (eds.), Material Events. Paul de Man and the Afterlife of Theory, Minneapolis: University of Minnesota Press, 2000.

²⁵ См. обращение Ельцина к гражданам России 19 августа 1991 в: Путч. Хроника тревожных дней, М: Прогресс, 1991.

ле, что их присутствие будет блокировать идентичность претендента. Если я считаю Москву «идеальной Россией», любой проект, называющий «идеальной Россией» Воронеж, или, например, Красноярск будет серьёзным раздражителем моего чувства «российскости».

Таким образом, проекты региональной исключительности содержат в себе самоуничтожающие механизмы, препятствующие успешному конструированию «общества регионов». Первый, это как отмечалось — различия в определении «другого». Второй — это взаимоисключающие проекты представления идеальной России в границах отдельного региона. В обществе, предлагаемом данными проектами нет «регионов» — есть один регион и «остальная Россия». Между этими двумя позициями и конфигурируется социальное пространство. Других регионов в обществе, предлагаемом региональными идеологами, просто нет.